

Валерия Е. Чернявская (Санкт-Петербург)

Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность

✦ Ключевые речи:
*открытый текст, дискурс,
интертекстуальность,
дискурсивность,
интердискурсивность,
открытый.*

Чланак се фокусира на анализу отвореног текста и дискурса.

Сегодня, начиная какие-либо рассуждения, в которых есть слово «текст», мы должны исходить из той сложившейся исследовательской ситуации, когда традиционная лингвистическая категория текст противопоставляется другой категории – дискурсу, а любой лингвистический подход, сам факт оперирования с текстом связывается с оппозицией «производство vs восприятие текста». Это находит свое выражение в смещении исследовательских акцентов на процессуальность дискурса, якобы противоположной результативности текста. И та исследовательская ситуация, которую мы можем часто наблюдать в когнитивно-ориентированных координатах, это ситуация «тексторастворяющего» подхода, когда текст не то что включается

в лингвистический анализ как его исходная точка, но окончательно растворяется в стихии процессуальности. Во всяком случае, можно констатировать, что лингвистика максимально сузила содержание понятия «текст», ограничив его только материальной стороной, и оставляя процессуальность для исследователей дискурса. Вынося на обсуждение заявленную проблему, я исхожу не из оппозиции «текст vs. дискурс», «производство vs восприятие», но из их необходимого, диалектического, обусловленного логикой развития и лингвистики текста, и когнитивной лингвистики, взаимодополнения. Моя формула: только и именно «текст в дискурсе» (Подр.: Чернявская 2005, 2006 а). При этом целесообразным представляется подчеркнуть характер

 Система 2007

отношений между текстом и дискурсом, существующих в открытом семиотическом универсуме.

Исходным посылом моих рассуждений является представление о тексте как открытой системе. Феномен текстовой открытости рассматривается традиционно в связи с категорией интертекстуальности, отражающей процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми/смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения. Это – традиционный и неоднократно обсуждавшийся взгляд на открытый текст. Интертекстуальность как текстовая категория в собственно лингвистическом смысле выражает особый способ построения смысла текста. Как категория «разгерметизации» и открытости текста интертекстуальность охватывает качественно различные стратегии содержательного и формального соотнесения текста с другим (-и). В рамках традиционной теории интертекстуальности мы выделяли следующие *аспекты открытости* (ср.: Чернявская 2000):

1. содержательно-смысловая незаключенность текста по отношению к иным текстовым системам, обеспечивающая диалог смысловых позиций и мнений внутри одного текстового целого (взаимодействие своего и чужого);

2. коммуникативно-прагматическая и психологическая открытость текста читательскому сознанию и его «тексту в голове»;

3. идейная и тематическая открытость текстов одного автора друг другу в рамках архтекста авторской концепции действительности (т.н. автоинтертекстуальность);

4. внутренняя содержательная прогрессия отдельно взятого текста, реализуемая в поступательном движении от одного смысла к другому и от одной структурно-композиционной части к другой;

5. типологическая открытость текстов одного класса (типа) друг другу, как прототипизация на уровне общей типологической конституции (т.н. типологическая интертекстуальность);

6. функционально-стилистическая соотнесенность текстов одного класса в общей текстовой таксономии.

Это – один из возможных аспектов текстовой открытости, обсуждавшийся в связи со «старой доброй интертекстуальностью»!

В связи с исследованиями в теории дискурса и дискурсивного анализа идея текстовой открытости получает, на мой взгляд, еще один дополнительный ракурс осмысления. И, собственно, второй аспект того, что я хочу называть открытостью, связан с самим феноменом текстуальности – с обсуждением того, какие признаки текста сегодня на когнитивно ориентированном этапе развития лингвистики, отражают статус текста как такового. Я исхожу из того, что сегодня *текстуальность*, скорее, *прототипический феномен*. Эта категория объединяет ряд текстообразующих признаков с *градусальным характером*: они обладают разной степенью выраженности в том или ином текстовом экземпляре и/или типе текста, не все признаки текстуальности имеют равную значимость для утверждения текстового статуса конкретного коммуникативно-речевого феномена. Одни могут быть доминирующими, ядерными, другими – лишь потенциально возможными (подр.: Чернявская 2005).

В контексте данных рассуждений важно выделить следующий момент. Так, если формально-структурная завершенность не рассматривается сегодня как обязательный для идентификации статуса текста критерий (сегодня лингвисты столкнулись с т.н. гипертекстом, с чатами и коммуникацией в глобальной сети без формально узнаваемого начала и конца сообщения), то он релевантен для новой категории – дискурса. Иными словами: открытость текста диктуется открытостью дискурса. Сегодня нет сомнений в том, что существует коммуникативное – метатекстовое – единство, большее, чем (единичный) текст. Это означает, следовательно, укрупнение объекта исследования для лингвиста, рассматривающего текст в метаперспективе, в неразрывном единстве с его вокруг- и надтекстовым пространством. Иными словами, существует коммуникативное, когнитивное, семантическое пространство («рамка»), соотносящее текст, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, во-вторых, с моделями (образцами, прототипами) текстоорождения и -восприятия, и, в-третьих, с другими текстами, содержательно-тематически обращенными к общей теме.

Это – дискурс, это та новая лингвистическая категория, которая выводит традиционную лингвистику текста в иную систему координат. И она же показывает исследователю новый текстовый признак, а именно, *дискурсивность*, по-новому фокусирующую традиционно описываемые текстовые признаки.

Дискурс – это принципиально открывающаяся система. Постулируя это, мы должны исходить из понимания дискурса как типа дискурса, дискурсивной формации, т.е. совокупности тематически соотношенных текстов: тексты, объединяемые в

дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов. В таком понимании дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определенных типов текста, следовательно, в сферу притяжения дискурса включается не одно коммуникативное событие, но целый их комплекс (подр.: Чернявская 2006). Только и именно в дискурсе ясно, что такое завершенность отдельного, существующего внутри дискурса текста. Действительно ясно, что завершено, что нет. *Дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства.* Ведь именно в метатекстовой перспективе у текста обнаруживаются признаки, позволяющие воспринимать отдельный текст/высказывание как часть надындивидуальной коммуникативно-речевой практики. Здесь в качестве промежуточной иллюстрации приведем следующую. Исследователю предстоит анализ некоего текста, формулируемого отправителем сообщения как сказка для детей и публикуемого в сборнике сказок. Примерное содержание сказки (в оригинале на английском языке) таково:

Бог создал всех людей, вынув их после обжига из большой печи. Все люди вышли на свет Божий закопченными и черными, и создатель велел им идти к воде и отмыться от копоти. Прилежные и старательные отмылись добела, а ленивые и нерадивые оттерли от сажи только ладошки и ступни ног. Вот поэтому люди оказались разного цвета – белые и черные.

На этом сказка заканчивается, оставляя выводы воспринимающему сознанию.

Очевидно, что в текстовой ткани нет ни одной языковой единицы с семантикой «раса», «расизм». При этом исследователь с позиций дискурсивного анализа может этот текст интегрировать в дискурс расизма, провозглашающий превосходство одной расы над другой по признакам «лучшее-худшее», и эта сказка воспринимается завершено в смысловом отношении только и именно в системе соответствующего дискурса. Я хочу подчеркнуть, что при объединении содержательно однородных текстов в единый тип дискурса начинает действовать особая «регулярность дискурса». Возможно говорить об особой семантике дискурса, наряду с семантикой слова, предложения и текста. В фокусе дискурсивной семантики оказывается не столько лексическое значение употребленных единиц, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений (см. также Чернявская 2003 а).

Дискурсивность следует рассматривать как тот признак текста, который характеризует его открытость метасистеме дискурса при понимании под последним совокупности содержательно однородных текстов.

Как соотносится дискурсивность как особое качество текстуальности с традиционными теориями интертекста и интертекстуальности?

Нельзя не заметить, что, вступая на современном этапе языковедческих и, вообще, культурологических исследований в сферу притяжения интертекстуальности, мы рискуем вовсе не преодолеть ее мощной силы тяги и постоянно оставаться в рамках этой теории. Интертекстуальность сегодня – это то волшебное слово, которым исследователи хотят открывать все двери, ведущие в «текстовый универсум». В этой связи говорится да-

же о т.н. «интертекстуальном синдроме» (ср.: Heinemann 1997: 35): любые, всякие межтекстовые отношения и связи называются интертекстуальными. При этом все чаще высказываются сомнения о целесообразности такого очень широкого и всеобъемлющего понимания интертекстуальности. Ведь в конечном итоге лингвисты оказываются – оказались! – перед побочным эффектом девальвации термина и девальвации его «практической работоспособности», операциональной значимости.

Определенного рода уточнения и дополнения в нашем представлении о механизмах межтекстового взаимодействия представляются давно назревшими и диктуемыми поступательным развитием лингвистики. Высказывая свою позицию в этом вопросе, повторю ряд общеизвестных положений.

Итак, основные итоги четырех десятилетий дискуссий вокруг феномена интертекстуальности вкратце таковы:

Многочисленные определения интертекстуальности представляют ее как наличие одного (или нескольких) предтекстов в другом и как отношение, возникающее между текстом и его предтекстом (-ами). В семиотическом плане это означает отношение между одной языковой знаковой системой и другой, референциально соотносенной с первой. В прагматическом же плане интертекстуальность выступает как специфическая стратегия соотносенности с другими текстами, как тот способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел. Иными словами, интертекстуальность покрывает всю шкалу возможных виртуальных обоюдонаправленных отношений между текстами или их частями (ср.: Grivell 1983: 56). В таком смысле интертексту-

альность можно рассматривать как категорию «разгерметизации» и открытости текста (ср.: *eine Kategorie der Dezentrierung und der Offenheit*), ибо благодаря ей текст способен вступать в отношения «живого подобия» (*bewegliche Identität*) с другими текстами (по: Stierle 1983: 12).

Если в определении сути интертекстуальности как открытости одной текстовой (смысловой) системы по отношению к другой существует известное единомыслие, то при выяснении ее статуса в исследовании текстуальности в целом прослеживаются различные, во многом противоположные подходы.

Анализ современных исследований интертекстуальности как теории взаимодействия между текстами выявляет существование 2-х моделей интертекстуальности – широкой, радикальной и более узкой. В строгом смысле речь идет о противопоставлении литературоведческой и лингвистической концепции интертекста. В соответствии с ними интертекстуальность рассматривается либо как универсальное свойство текста вообще, т.е. предполагает понимание всякого текста как интертекста, либо как специфическое качество определенных текстов (класса текстов).

То, что сейчас принято называть радикальной концепцией интертекста имеет своим теоретическим источником историческую поэтику А. Н. Веселовского, учение о пародии Ю. Н. Тынянова и, конечно, теории полифонического литературоведения М. М. Бахтина. Один из наиболее полных и глубоких обзоров в отечественных исследованиях содержится в работе Г. В. Денисовой (2003: 30–116); см. также статью «Интертекстуальность» в СЭС Я, 2004. В связи с теорией интертекстуальности наиболее часто вспоминают М. М. Бахтина, утверждавшего, что

литературная коммуникация не может существовать как *tabula rasa*, и «всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направлено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами. Высказывание входит в эту диалогически напряженную среду чужих слов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одним, отталкивается от других, пересекается с третьими» (Бахтин 1975: 89–90). В каждом существующем тексте обнаруживаются следы целого универсума корреспондирующих друг с другом текстов. В данном случае «каждый текст» означает не только целое литературно-художественное произведение, но и любое высказывание вообще.

Идея диалогичности, провозглашенной Бахтиным в качестве конституирующего признака текстопорождения, была продолжена и радикализована Ю. Кристевой. Заменяя в своей концепции термин «диалогичность» «интертекстуальностью», автор неразрывно связывала последнюю с текстовым статусом в целом. Текст, по Кристевой, предстал как историко-культурная парадигма, «трансемиотический универсум», вбирающий в себя все смысловые системы и культурные коды, как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. В этом смысле всякий текст выступает как интертекст, а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чужим» существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности. Интертекстуальность, по

Кристевой, предстает как *теория безграничного бесконечного текста*, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Настаивая на принципиальной неограниченности интертекстуального диалога, Ю. Кристева вслед за М. Бахтиным выдвинула идею открытого поливалентного текста, существующего в процессе потенциально бесконечной трансформации. Эта широкая концепция интертекстуальности была продолжена в тех или иных вариантах как в отечественном (Ю. М. Лотман, И. П. Смирнов, Б. М. Гаспаров, П. Х. Тороп), так и в зарубежном языкознании (R. Barthes, Ch. Grivel, M. Riffaterre, Genette и др.), предложившем своеобразное развитие концепции интертекстуальности. Особой вехой становится теория французского семиотика-постструктуралиста Ж. Дерриды, обусловившего формирование нового подхода к изучению художественного текста в целом. Основными идеями, провозглашенными Ж. Дерридой стали: относительность всяких границ – текста, сознания человека, всех областей человеческого знания; утверждение принципа рассеивания всякого смысла среди множества его различных оттенков. Согласно концепции Дерриды, всякий текст живет, лишь «бесконечно ссылаясь на нечто», среди откликов и следов одного текста в другом, не сводимых ни к какому синтезу. Все внимание исследователя должно быть сосредоточено на открытости смысла. И если М. Бахтин опирается на текст, открывая в нем принципиальную диалогичность (в этом смысле его концепция в строгом терминологическом значении скорее интратекстуальна, ибо рассматривает полифонию голосов преимущественно внутри одного отдельно взятого текста/высказывания), то постструктуралистские исследования в духе

Кристевой и Дерриды делают акцент на общем интертекстуальном пространстве, на модели центростремительной в отличие от центробежной модели Бахтина.

Новые ракурсы в эти исследования привнес и романист Р. Барт. Продолжая учение о раскрытости текста в бесконечность, он делает акцент в первую очередь на рецептивно ориентированной стороне интертекстуальности, уточняя ее как «непрерывное чтение в бесконечном тексте». Этот взгляд дополняется размышлениями М. Риффатера о рецептивном акценте в теории универсальной интертекстуальности, согласно которому механизм «интертекстуального чтения» приводится в действие только при участии воспринимающего сознания читателя.

Нельзя не заметить, что широкая концепция интертекстуальности, создаваемая именно как литературоведческий и культурно-семиотический подход, оказывалась трудноприменимой в практике конкретного лингвистического анализа. Рассматривая всякий текст как интертекст, а интертекстуальность как сущность литературной коммуникации, широкая радикальная концепция тем самым растворяла сами понятия текста и текстуальности. По логике радикальной концепции в центре внимания оказывались не (столько) тексты, а лишь отношения между ними. Недифференцированная универсальность, провозглашаемая этой теорией, не позволяла отличить собственно интертекстуальность от неинтертекстуальности, во-первых, различные исторические и типологические формы интертекстуальности, во-вторых. При такой интертекстуальной абсолютизации происходит самоценности авторского сознания в коллективном.

В лингвистику текста концепция интертекстуальности пришла, как известно,

позднее. Ее часто связывают с т.н. узким пониманием интертекстуальности, в соответствии с которым интертекстуальность выступает как текстовая категория и особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами. Интертекстуальность как критерий текстуальности в целом предполагает воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных текстообразующих признаков, определяемых моделью его текстопостроения и -восприятия – типом/жанром текста. После того, как Р.-А. де Богранд и В. Дресслер одними из первых предложили свою модель текстуальности и (типологической) интертекстуальности в ее системе, этот взгляд утвердился и повторялся во многих авторитетных изданиях, в том числе справочного характера.

В связи с размежеванием т.н. широкой и узкой концепций интертекстуальности Рената Лахманн, одна из ведущих немецкоязычных исследователей интертекстуальности, предложила различать онтологический и дескриптивный текстовый аспекты, т.е. 1) диалогичность как всеобщее измерение текста, его имплицативную имманентную структуру и 2) диалогичность как особый способ построения смысла, как диалог с определенной чужой смысловой позицией, т.е. собственно интертекстуальность. Такая точка зрения дополняется исследованиями другого германиста – К. Штирле, – который выделяет, с одной стороны, универсальную интертекстуальность, позволяющую коррелировать практически каждый текст с другим существующим, а с другой стороны – собственно «привилегированную» актуализированную интертекстуальность (Stierle 1983: 10). В этом случае интертекстуальность ограничивается такими диа-

логическими отношениями, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельным предтекстам (группам предтекстов) и/или лежащим в их основе смысловым кодам. Таким образом, согласно узкому толкованию, об интертекстуальности следует говорить в том случае, когда автор *намеренно тематизирует* взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. Интертекстуальность в таком ее понимании сводится к *намеренно маркированной интертекстуальности*. Это предполагает, что не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Речь идет, следовательно, о таком коммуникативном процессе, необходимой предпосылкой и условием которого является «интертекстуальное сознание» обоих партнеров. В работе Сюзанны Хольтуис (1993) предлагается в этой связи особый термин «интертекстуальная диспозиция», который означает наличие в тексте определенных интертекстуальных сигналов или индикаторов, способных мотивировать реципиента к поиску связей данного текста с иными.

Современные исследования, постулирующие, что текст нельзя рассматривать как некий заключительный уровень коммуникативной иерархии, что существует метатекстовый уровень, уровень дискурса, делают не только возможным, но и необходимым уточнение ряда принципиальных позиций в классической теории интертекстуальности. *Какой взгляд на текст и интертекстуальность диктуют нам когнитивно ориентированные разработки?* Представляется возможным следующее уточнение.

Тексты существуют в общем когнитивном пространстве, которое может быть сопоставлено с неким общим предтекстом, или интертекстом, или «текстом в голове», в духе идей Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, М. Риффатера и др. Литературоведческая теория интертекстуальности привлекла внимание к *наиболее общим отношениям, возможным между текстами*. Это – взаимодействие на уровне ментальных процессов, подразумевающее использование в различных текстовых системах неких общих когнитивных и коммуникативно-речевых стратегий автора сообщения, реализацию общих операциональных шагов, установок, детерминирующих в конечном итоге определенную общность текстовых структур и их формальных элементов. Эти отношения предшествуют конкретной текстовой реализации, возникают и существуют как вокруг- и над- текстовый фон. Эти отношения, возникающие при оперировании общими прототипическими правилами, стратегиями текстообразования, общими смысловыми системами, кодами, возникают на уровне не текста, но дискурса.

И автор текста, и читатель разделяют знание об общих ментальных принципах, типологических моделях текстопроизводства или культурных кодах. Это их общий транссемиотический универсум, их интертекст или «текст в голове», согласно широкой концепции интертекстуальности, что с моей точки зрения точнее называть *интердискурсом*, поскольку речь идет об интегрированном в целостную систему человеческом знании, рассеянном во многих дискурсивных формациях.

Масштаб, степень влияния этого когнитивного феномена («текста в голове») на конкретные текстообразовательные процессы и их результаты – высказы-

вание/текст, может быть большим или меньшим. Немецкий лингвист К. Адамчик приводит в связи с исследованием когнитивных феноменов выразительный пример, который очень иллюстративен для наших рассуждений: если человек слышит прогноз погоды о том, что будет дождь, он не раскрывает зонт сразу же после прослушивания этого сообщения, но лишь берет зонт с собой. Так и «текст в голове», т.е. знание о ранее прочитанных/прослушанных текстах, сложившиеся оценки, интерпретации, смыслы etc., становится когнитивным фактором, влияющим на порождение или восприятие других текстов, влияющим не только и не обязательно в непосредственной связи, но и в отдаленной проекции (Ср.: Adamzik 2004: 95). Очень близко к этой мысли высказывается и И. К. Архипов:

«При построении сложных языковых знаков дискурса говорящий опирается на *известные ему* наиболее общие способы его организации. Например, он *знает (помнит)* определенные алгоритмы появления комбинаций слов и средств связи между ними и использует их для обеспечения *связности* высказывания.

Далее, он так же знает, что в своем изложении он может опираться (ссылаться, намекать) на информацию, содержащуюся в других источниках. Он *помнит* эту информацию в той или иной степени и объеме. Он также *надеется* или *уверен*, что аналогичными или почти такими же *знаниями обладает* и его слушатель. Благодаря этому знанию он вводит в свои цепочки дискурса цитаты или аллюзии. *Осознание связи* данной цитаты или аллюзии с каким-то содержанием, которое «встречалось в других текстах», а на самом деле, соотносится с состояниями сознания другого или других коммуникантов, творивших свои дискурсы, следует

назвать *интердискурсивностью*» (Архипов 2004: 13, выделено автором).

Итак, подчеркнем: если речь идет о непосредственном влиянии текстовых систем друг на друга, то мы имеем дело с эксплицитными маркированными отсылками к чужому конкретному тексту, с одной стороны – либо к текстообразовательной модели, по которой построен данный текст, с другой.

Если это влияние актуализируется не через языковые знаки, но как сходство тем, сюжетов, мотивов etc., то, очевидно, имеет место диалог дискурсов, т.е. интердискурсивность.

Обратимся к примерам, позволяющим прояснить эту точку зрения.

I

Товарищи! Граждане! Братья и сестры!
Соотечественники! Представители разных вер, исповеданий, учений, национальностей и этнических меньшинств!
Воины! Генералы, офицеры и старшины!
Солдаты и матросы! Работники милиции, органов охраны общественного порядка, юстиции и Госбезопасности! –

Не убейте!

(...) Молодежь! Рабочие и крестьяне!
Служащие и учащиеся! Студенты и студентки! Комсомолки и комсомольцы!
Учащиеся училищ и старших классов средних школ! Семейные и несемейные, партийные и беспартийные! –

Не сотворите себе кумира!

(Пригов 2002: 229–230)

Этот тип текста с очевидностью определяется как пародия, т.е. контрастное по семантике и общему стилистическому звучанию соотнесение нового текста (Т₂) с его предтекстом (Т₁). Textoобразующим принципом здесь выступает

интертекстуальность, создающая сильное диалогическое напряжение между конкретными текстовыми целыми. Предтекст, а именно, библейские заповеди узнаваем благодаря заимствованиям на уровне формально-архитектонического построения обоих текстов, повторения синтаксических структур, лексического и грамматического параллелизма, за счет прямых цитат, типа «Не убейте!». Семантическая модификация при пародировании возникает при этом за счет смыслового напряжения и дистанцирования соприкасающихся концептуальных систем.

Феномен пародирования обнаруживает принципиально значимый для последующих выводов ракурс: имеет место не только семантическая конфронтация с отдельным предтекстом как таковым. Одновременно с этим на контрастном фоне одного текста (в данном случае с выраженным канонизированным характером) актуализируются системные, т.е. в современном понимании, дискурсивно обусловленные характеристики: библейский предтекст появляется в образе стереотипизированных советских призывов и лозунгов. Важным конституирующим фактором является здесь, таким образом, то, что знакомый читателю библейский текст (Т₁) вступает в смысловую конфронтацию не с отдельным конкретным текстом, но с макротекстом (читай – дискурсом!) советской эпохи. И возникающая в результате текстовая система пародии существует как результат актуализации различных дискурсов – библейского, с одной стороны и советского социалистического, с другой. Коммуникативным результатом такого столкновения дискурсов является ироническое обесценивание советской и религиозной морали. И, следовательно, в сознании читателя задается особая смысловая

перспектива как результат *контрастного переключения с одной системы знаний и оценок на другую*. Происходит смена дискурса, порождающая на текстовой плоскости особую ситуацию не только

интертекстового, но и интердискурсивного взаимодействия.

Аналогичный прием смысло- и текстопостроения видится и в следующем примере:

II Евгений о неких

20

Не мысля гордый свет забавить,
Хотел бы я читатель мой,
Свою колонку вновь представить
Тебе, как прежнюю порой...

То были «ельцинские годы»,
Когда иуды и уроды, разрушив наш СССР,
Так демократию внедряли,
Что у народа все украли,
Потом парламент расстреляли,
А дальше снова вытворяли,
Кто что хотел – без всяких мер.

Обнимем тех, кто нас ограбил,
Казнил великую страну,
Ее бывшее искохавил,
Хватал, растаскивал и тратил
Отчизны землю и казну,
Во имя чуждых «демократий»
Поверг нас в бедность и войну,
В те геноцидные «реформы»,
Попрал спокойной жизни нормы,
Принес разруху и распад...

...И вот России население
Призвал отметить сытый клан
Какой-то праздник единенья:
Да будут братья раб и пан!

Мы ценим в Минине с Пожарским
Любовь к родному государству,
Их нетерпимость к самозванству,
Их верность Родине, а тут –
Лукавцы, севшие на царство,
Себя, исполненных коварства,
За патриотов выдают. ...

Приведенный пример стихотворчества заимствован из леворадикальной, националистически ориентированной газеты «Завтра», выпуск которой был приурочен к введению в России в 2005 году нового государственного праздника – дня народного единства 4 ноября. Предтекстом здесь является, как очевидно читателю, роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Интертекстуальными маркерами являются прямая цитата, обращение к читателю в инициальной позиции, воспроизведение стихотворного ритма первоисточника, аллюзия в названии. Для создателя этого текста важен прием опоры на авторитет – на авторитет произведения, которое считается «энциклопедией русской жизни». Здесь реализуется претензия на право такой же полномасштабной оценки происходящих в стране событий, как и у классика. И, главное, происходит столкновение различных дискурсов – демагогического леворадикального и классического литературного дискурса, отражающего подлинно народные ценности. Коммуникативный эффект, как видится – в подмене одного другим. Этот пример наглядно показывает, что смена дискурса, или интердискурсивность является механизмом стилизации как особого художественного приема построения текста.

III

Дневник Ксении Калининой:

7 сентября, среда. Здравствуй, мой старый дневник! После жаркого, бурного лета я вновь листаю твои страницы и вспоминаю весь прошедший год Вот чередой моих неудачных попыток сбросить вес: мучительные диеты, которые принесли лишь временный эффект, а затем – еще больший набор веса. Потом было раздельное питание – и опять неудача. Я

тогда просто не знала, какие продукты могут принести мне реальную пользу.

И вдруг случилось чудо – после долгих месяцев неудач и мучений я наконец нашла простой и верный способ. Позвонила на горячую линию..... и подробно изучила сайт... Врач медицинского центра помогла мне понять, что похудение – не волшебство, а серьезный процесс, требующий внимания, любви к себе и дисциплины. Я узнала, что теперь у всех худеющих появился незаменимый помощник – швейцарский препарат. Действуя исключительно внутри кишечника, он не дает усвоиться 30 % жира, который мы – что уж тут поделаешь – поглощаем с пищей. Препарат помог мне начать работу над своим рационом – не на время, а на всю жизнь.

21

Письмо счастья

Это письмо счастья. Тому, кто его прочтет и будет принимать Ново-Пассит, тому будет счастье. Одна певица принимала сироп Ново-Пассит, стала спокойной и вышла замуж. А другой певец не принимал Ново-Пассит, и было у него нервное расстройство. Он поругался с одной журналисткой, и ему объявили бойкот. Один миллионер принимал Ново-Пассит в таблетках, и у него не было сонливости и привыкания, он даже купил футбольную команду. А другой миллионер не принимал Ново-Пассит, и его посадили в тюрьму.

Расскажите об этом письме семи друзьям, принимайте Ново-Пассит для успокоения, и Вам будет счастье. Потому что Ново-Пассит состоит из натуральных экстрактов семи лекарственных трав – валерьяны, Melissa, зверобоя, боярышника, хмеля, пассифлоры и черной бузины. Да пребудет с Вами сила семи трав – Ново-Пассит!

Сила 2007

Эти примеры, как видим, представляют собой рекламные тексты, подлинный тип текста – реклама. Однако, оба рекламных объявления структурно воспроизводят иной тип текста – личный дневник и т.н. «письмо счастья», известное многим гражданам, соответственно. Здесь происходит, таким образом, монтаж текстотипов, моделей текстового построения, и это совершенно очевидно для адресата: и подлинный, и лежащий в его основе базовый тип текста узнается безошибочно как таковой. Интертекстуальное напряжение становится здесь видимым благодаря особым маркерам: композиции текстов, типичных для соответствующих текстовых моделей лексических единиц. Персуазивный, воздействующий эффект возникает в результате ясно и сфокусировано выделенной противоположности одной и другой текстовых систем. Эффект, к которому здесь стремится создатель текста – в эмоциональной экспрессии, создании доверительного, интимизирующего изложения, как в первом случае, или же броского, неординарного, запоминающегося сообщения, как во втором.

Примеры, подобные приведенным, достаточно частотны в рекламе, которая заимствует для выражения собственного содержания текстовые модели сказки, молитвы, религиозной заповеди, энциклопедической статьи, непринужденного разговора друзей, чатов в Интернете и проч.

Подобный «монтаж текстотипов» очень часто происходит и без эксплицитно маркированных, т.е. интертекстуальных отсылок к конкретным предтекстам (как мы видели в предыдущих примерах). В качестве еще одного примера могут быть приведены современные устные рекламные сообщения на т v, когда об открытии нового торгового комплекса или массовом развлекательном мероприятии

или акции по снижению цен etc. сообщается с теми интонациями, акцентами, другими просодическими характеристиками, общим пафосом, которые напоминают слушателю информационные сообщения о полете человека в космос или же крупных достижениях и прорывах в экономике и науке. Часто даже тембр голоса озвучивающего рекламный ролик человека схож с голосом дикторов советской эпохи. Таким образом, рекламный текст имитирует советский новостной дискурс, стилизуется под него, а коммуникативный эффект заключается, с очевидностью, в создании эмоционального подъема, экспрессии, особой привлекательности и эксклюзивности рекламируемого продукта/услуги.

Аналогичный прием используют рекламодатели, стилизующие письменное рекламное сообщение под информационную статью в советской газете «Правда». Так, рекламный лозунг одного из современных гипермаркетов – «В Ленте дешевле» печатается шрифтом, в точности воспроизводящим шрифт названия «Правды» советских времен, графически оформляется так же, как заголовок газеты, и эмблема магазина стилизуется под изображение ордена Ленина, создавая визуальную референцию к центральной газете.

Подчеркнем следующее. В такого рода примерах в диалогическое соприкосновение приходят не конкретные тексты с другими текстами, но именно дискурсивные системы как предзаданные когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии. И в качестве маркеров интердискурсивности здесь выступают не вербальные цитаты, но просодические, графические или иные признаки, типичные для одного типа дискурса и переключающие воспринимающее сознание на другой дискурс.

Суммируя наши рассуждения об интертекстуальности как традиционной для лингвиста категории и об интердискурсивности как относительно новому предмету исследования, считаю возможным сделать ряд *заклучений*.

1. Текст сегодня должен анализироваться – и анализируется! – вместе со следующей за ним единицей коммуникативной иерархии – дискурсом. Текст не противостоит дискурсу, но сосуществует с ним. Для лингвиста это означает укрупнение объекта анализа, выведение его в метаперспективу и в новую систему координат. Именно с укрупнением и расширением лингвистического объекта следует связывать меняющиеся взгляды на сущность текстуальности и ее признаков. Дискурсивность как один из признаков в системе текстуальности характеризует особое свойство текста – его интегрированность в метапространство дискурса, открытый текст существует в открытом дискурсе.

2. Наряду с текстовой категорией интертекстуальности целесообразно говорить о когнитивной категории интердискурсивности, отражающей взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий. Интердискурсивность характеризует, таким образом, когнитивные процессы, предшествующие конкретной текстовой реализации. Лингвистическим выражением, делающим видимыми когнитивные феномены на текстовой плоскости, является интертекстуальность с системой своих эксплицитных или квазиэксплицитных маркеров.

3. Интердискурсивность не тождественна интертекстуальности, если понимать под интертекстуальностью особый способ создания нового текста через однозначно маркированный эксплицитный

диалог «своего» и «чужого» текстов. Ограничение в содержании понятия интертекстуальность, а именно фокусирование ее текстолингвистического наполнения в смысле намеренно тематизированных, маркированных так или иначе отсылок от текста к тексту, позволит уйти от известной девальвации этого термина, когда повторю, всякие, даже отдаленные отношения между текстами по сходству тем, сюжетов, идей, именуются как интертекстуальные.

4. Интердискурсивность запускает в действие иные механизмы тексто- и смыслообразования. В отличие от интертекстуальности как одного из возможных способов создания нового текстового смысла через доступную лингвистическому наблюдению игру на текстовой плоскости с элементами из других самостоятельных текстов, интердискурсивность предполагает «переключение» на другую систему знания, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента. Это – не диалог «своего» и «чужого» текстов в форме цитат, аллюзий, реминисценций, но взаимодействие, взаимоналожение различных ментальных, т.е. над- и предтекстовых, структур, операций, кодовых систем, фреймов в процессе текстопродукции. В его готовом результате – на текстовой плоскости – создается такая особая взаимосвязь языковых единиц, которая и инициирует в воспринимающем сознании (т.е. в голове читателя) переход от одного типа дискурса и, значит, типа мышления, к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта. Воспринимающее сознание «переключается» в иное ментальное пространство и начинает «работать» с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке и интерпретации данного в тексте содержания.

5. Понимаемая так интердискурсивность не тождественна и тому феномену текстового взаимодействия, которое традиционно описывалось в рамках т.н. типологической интертекстуальности. Действительно, в исследованиях по интертекстуальности наряду с содержательно-смысловым уровнем открытости одного текста по отношению к другим выделяется еще и прототипический уровень, подразумевающий типологическую открытость текстов одного функционального стиля, типа, класса к друг другу, или их системнотекстовую открытость (см. рассуждения в начале статьи). Типологическая интертекстуальность базируется на явлении стереотипности компонентов в структурно-композиционной организации соответствующих текстов и ориентирована на типологически мотивированные отношения между текстами. Эти отношения могут быть двоякого рода и предполагают, что отдельный текст интертекстуально соотнесен, во-первых, с определенным текстовым типом – канонизированной моделью производства и восприятия *аналогичных текстов* и, во-вторых, с другими конкретными текстами, имеющими *такую же типологическую принадлежность*. Именно в этом смысле мы говорим, что текстовый экземпляр есть представитель типа текста (жанра).

В случае интердискурсивности, как видится, речь идет о когнитивном переключении с одной типологической модели текстопроизводства и -восприятия, например, сказки и т.д. и т.п., на другую текстотипологическую модель, например, рекламное сообщение.

6. Возможно говорить о естественной, спонтанной, т.е. коммуникативно обусловленной интердискурсивности и о т.н. инсценируемой смене дискурса.

В первом случае можно указать на те ситуации, когда один специальный дискурс, например, дискурс генной инженерии, обнаруживает в себе языковые элементы: термины, коммуникативные стратегии содержательного развертывания и проч. других специальных дискурсов, не только общенаучного, медицинского, но и общественно-политического, этического и т.д. Примеры могут быть многократно продолжены. Такая спонтанная интердискурсивность демонстрирует естественный процесс реинтеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных дискурсивных формациях.

Инсценируемая интердискурсивность проявляет себя как особая стратегия автора, осознанно и целенаправленно решающего задачу формулирования своего текста, т.е. «осуществляющего транспозицию единиц из системы языка в систему текста через особый способ речевых действий» (Гончарова, 2003: 12 и след.). Применительно к лингвистическому анализу это связано с *вопросом о том, какие прототипические элементы, органично присущие одному типу дискурса, включаются в другой дискурс, с какой коммуникативной целью, и в каких формах эта моделируемая интердискурсивность становится видимой в процессе восприятия текста*. Очень продуктивными в этой связи являются разработки интердискурсивного характера художественных текстов, в частности, художественной литературы для детей. Тексты, адресованные детям – это взаимодействие многих дискурсов: дискурса волшебного мира, учебного дискурса, игрового, морализаторского, дидактического, научного, социального и т.д. См. о маркерах присутствия иного дискурса в художественной литературе Белоглазова 2006, в псевдонаучных текстах Чернявская 2003 (б).

summary

Σ Open text and open discourse: intertextuality – discoursivity – interdiscoursivity

The article is an attempt of consistent analysis of the category of openness as materialized on the level of text and discourse. The phenomenon of openness reveals itself in the form of intertextuality and interdiscoursivity. The author continues her analysis of these categories in juxtaposition, allowing to see the common and differentiating features in them.

25

Литература

а)

- Бахтин 1975: **Бахтин М.** Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – Москва: Художественная литература.
- Гаспаров 1996: **Гаспаров Б.** Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – Москва.
- Гончарова 2003: **Гончарова Е.** Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания. – In: Текст – Дискурс – Стиль. спб: спбгуэФ.
- Денисова 2003: **Денисова Г.** В мире интертекста: язык, память, перевод. – Москва.
- Кузьмина 1999: **Кузьмина Н.** Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург, Омск.
- Смирнов 1995: **Смирнов И.** Порождение интертекста. – спб: спбгуэФ.
- сэс ря 2003: Стилистический Энциклопедический Словарь Русского Языка. – Москва: Флинта, Наука.
- Фатеева 2000: **Фатеева Н.** Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. – Москва: АГАР.
- Чернявская 2006 б: **Чернявская В.** Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. – Москва: Флинта, Наука.
- Чернявская 2003 б: **Чернявская В.** Интертекстуальность и интердискурсивность. In: Текст – Дискурс – Стиль. – спб: спбгуэФ.
- Чернявская 2000: **Чернявская В.** Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации. Автореф. дис... докт. фил. наук. – спб.
- Чернявская 2006 а: **Чернявская В.** Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли нам новое определение текстуальности. – In: Вопросы когнитивной лингвистики. – Москва, Тамбов.
- Чернявская 2005: **Чернявская В.** Текстуальность как когнитивный феномен. – In: Интерпретация – Понимание – Перевод. – спб: спбгуэФ.
- Adamzik 2004: **Adamzik K.** Textlinguistik. – Niemeger.
- de Beaugrande, Dressler 1981: **de Beaugrande R.-A., Dressler W.** Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen.
- Broich 1985 : **Broich U.** Formen der Markierungen von Intertextualität . – In: Intertextualität. Fomen. Funktionen, anglistische Fallstudien. Hrsg. U. Broich, M. Pfister. – Tübingen.

 2007

- Fix 1997: **Fix U.** Kanon und Auflösung des Kanons. Typologische Intertextualität. – In: Die Zukunft der Textlinguistik. – Tübingen: Niemeyer.
- Heinemann W 1997: **Heinemann W.** Zur Eingrenzung des Intertextualitätsbegriffs aus textlinguistischer Sicht. – In: J. Klein, U. Fix (Hg). Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Tübingen.
- Holthuis 1993: **Holthuis S.** Intertextualität. – Staufenburg.
- Kessler 1998: **Kessler K.** Diskurswechsel als persuasive Textstrategie. – In: Beiträge zur Persuasionsforschung. Hg. Kessler K., Hoffmann M. F/M: Peter Lang.
- Link, Link-Heer 1990: **Link J., Link-Heer U.** Diskurs/Interdiskurs und Literaturanalyse. – In: Philologische Grundbegriffe. – Göttingen.
- Lachmann 1982: **Lachmann P.** Dialogizität (Vorwort). – München.
- Pfister 1985: **Pfister M.** Konzepte der Intertextualität. – In: Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen.
- Sandig 1986: **Sandig B.** Stilistik der deutschen Sprache. – Berlin, N. Y.
- Schulte-Middelich 1985: **Schulte-Middelich B.** Funktionen intertextueller Textkonstruktion. – In: Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen.
- б)
- Архипов 2004: **Архипов И. К.** Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания. – In: Studia Linguistica. Вып. XIII. – СПб.
- Белоглазова 2006: **Белоглазова Е.** Детская художественная литература в аспекте полидискурсивности. – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь.
- Чернявская 2003 а: **Чернявская В.** От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа. – In: Филологические науки. Вып.3.
- Чернявская 2003 в: **Чернявская В.** Псевдонаучный текст в персуазивной коммуникации (на примере анализа современных англоязычных гороскопов). – In: Стереотипность и творчество в тексте – Пермь. Вып.6.
- Grivel 1983: **Grivel Ch.** Serien textueller Perzeption. – In: Dialog der Texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. 11. – Wien. – S. 53–83.
- Janich 1997: **Janich N.** Wenn Werbung mit Werbung Werbung macht... Ein Beitrag zur Intertextualität. – In: Muttersprache, № 4.
- Lachmann 1982: **Lachmann P.** Intertextualität als Sinnkonstruktion. – In: Poetica, H.15. – S. 66–107.
- Schmid 1983: **Schmid W.** Sinnpotenziale der diegetischen Allusion. – In: Dialog der texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. 11. – Wien. – S. 141–187.
- Stierle 1983: **Stierle K.** Werk und Intertextualität. – In: Dialog der texte. Hrsg W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawischer Almanach. Sbd. 11. – Wien. – S. 7–26.